

Персонажи и события в этой книге
вымышлены. Любое сходство с реальными
людьми, живыми или умершими, случайно
и не входило в намерения автора.

I

Красный

Тем дождливым утром я вышла из дома за несколько часов до рассвета. Я ехала на велосипеде по блестящим мокрым улицам. Короткая зеленая пелерина спасала меня от дождя, но рукава пальто вскоре вымокли насквозь. Когда я проезжала переулок, в котором теснилось стадо коров, в нос ударил смрад навоза и крови. Мальчишка в мужском пальто выкрикнул мне вслед какое-то ругательство. Я нажала на педали и обогнала автомобиль, который ради экономии бензина тащился с черепашьей скоростью.

Как обычно, я оставила велосипед на аллее, навесив на заднее колесо кодовый замок (естественно, германского производства. Интересно, где я найду замену, когда его механизм заржавеет?). Распустила боковые тесемки юбки и достала из багажной корзинки вымокшую под дождем сумку. Я бы предпочла проделать на велосипеде весь путь до больницы и добралась бы туда вдвое быстрее, чем на трамвае, но наша главная терпеть не могла, когда медсестры появлялись на работе вспотевшие.

Выйдя на мостовую, я едва не попала под дезинфекционную тележку. В воздухе над ней витал сладковатый смолистый аромат. Я увернулась от мужчин

в масках, которые мыли брусчатку около водосточных канав из шланга, который тянулся из зарешеченного стока вдоль дороги.

Я миновала импровизированную часовенку в честь павших воинов — деревянный триптих, задрапированный британским флагом. Еще там стояла выщербленная Дева Мария в одеянии небесно-голубого цвета, полочку под ее ногами усыпали увядшие цветы. На триптихе были выведены десятки ирландских фамилий — из нескольких десятков тысяч павших, из сотен тысяч отправившихся на фронт. Я подумала о брате, который остался дома и доедал свой тост.

Яркий электрический фонарь на трамвайной остановке казался размытым пятном на фоне занимающейся зари. Фонарный столб был обклеен объявлениями: *«ИСТОЩЕНЫ И ОСЛАБЛИ ОТ СЛИШКОМ ТОРОПЛИВОЙ ЖИЗНИ? ПРЕЖДЕВРЕМЕННО ЧУВСТВУЕТЕ СЕБЯ СТАРЫМ?»*

Завтра мне исполнится тридцать.

Но я не позволяла себе страшиться этого числа. Тридцать означает зрелость, определенное положение в обществе и силу, разве нет? Даже избирательное право — ведь его уже распространили на женщин старше тридцати, отвечающих имущественному цензу. Правда, перспектива голосовать представлялась мне нереальной, потому что всеобщих выборов в Великобритании не проводили уже восемь лет и не собирались проводить, пока не закончилась война, и только Богу известно, какая ситуация тогда будет в мире.

Мимо прогрохотали первые два трамвая; они были забиты до отказа, вероятно, на этой неделе отменили еще несколько маршрутов. Когда подошел третий, я кое-как втиснулась в вагон. Туфли на резиновом

ходу скользили на мокрых от карболки ступенях лестницы. Вагон рассекал предрассветную тьму, его мотало из стороны в сторону, поэтому я, крепко вцепившись в поручень, с усилием поднялась наверх. Пассажиры на верхней площадке, похоже, вымокли до нитки, и я встала под навес, вдоль которого тянулась надпись:

ПРИКРЫВАЙТЕ РОТ ПРИ КАШЛЕ ИЛИ ЧИХАНИИ... БОЛЕЗНЬ СЕЮТ ГЛУПЦЫ И ИЗМЕННИКИ.

Разгоряченная после велосипеда, я нырнула в утреннюю прохладу, и теперь меня слегка познابلывало. Двое мужчин на скамейке-империале подвинулись в разные стороны, освобождая мне место, и я втиснулась между ними, поставив на колени саквояж. Косой дождь моросил прямо на нас.

Трамвай, пронзительно визжа, набрал скорость и промчался мимо вереницы конных кебов, но зашоренные лошади не обратили на него ни малейшего внимания. Внизу, в конусе уличного света я заметила пару: держась за руки, они спешили по своим делам, и заостренные маски на их лицах напоминали клювы неведомых птиц.

Сквозь толпу пассажиров верхней площадки пробирался кондуктор. Его фонарик — плоский, точно фляжка для виски — испускал дрожащее сияние, освещая колени и ботинки. Я выудила из перчатки потную монетку, бросила ее в кружку, на дне которой болталась мутноватая жидкость, и подумала: неужели карболка и впрямь способна смыть с монет все бактерии?

— Этим вы оплатите проезд только до Колонны, — предупредил меня кондуктор.

— То есть тариф повысили?

— Ну что вы, это могло бы вызвать волнения. Но теперь за пенни можно доехать только до Колонны.

Раньше я бы посмеялась над этой шуткой.

— А до больницы...

— Надо добавить к вашему пенни еще полпенни, — ответил кондуктор.

Я достала из саквояжа кошелек и нашла нужную монетку.

Мы проехали мимо железнодорожного вокзала: внутрь чинно входила вереница детей с чемоданами, которых родители отправили за город в надежде, что там они будут в безопасности. Но, насколько я могла судить, эпидемия свирепствовала уже по всей Ирландии. Это незримое исчадие зла имело десятки имен: «великая инфлюэнца», «солдатская/окопная болезнь», «синяя инфлюэнца», «черная инфлюэнца», «грипп» (всякий раз, услышав это слово, я представляла себе увесистую опухоль на плече, вроде гриба-паразита, выросшего в ствол дерева). Иногда для обозначения инфлюэнцы прибегали к эвфемизму: «заболевание». Или «фронтальной недуг», исходя из соображения, что это некий побочный эффект длившегося четыре года смертоубийства, инфекция, зародившаяся в окопах и распространившаяся по всему миру в условиях повальной неразберихи.

Мне, можно сказать, повезло. Я оказалась одной из тех, кто легко отделался. В начале сентября я слегла с ломотой во всем теле. Я уже была достаточно наслышана об этом жестоком гриппе и перепугалась не на шутку — но в считанные дни снова встала на ноги без каких-либо симптомов, только еще несколько недель все цвета чудились мне в каком-то серебристом ореоле, словно я смотрела на предметы сквозь запотевшее стекло. Если не считать этого, никаких по-

следствий болезни не испытывала, ну разве что пребывала в несколько подавленном настроении. Но в общем беспокоиться было не о чем.

Доставщик — парнишка с торчавшими из-под шортов ногами-спичками — промчался мимо трамвая на велосипеде, подняв разноцветный веер маслянистых брызг. Должно быть, подумала я, трамвай еле тащился в редком потоке автомобилей, чтобы не тратить много электричества или в соответствии с новой инструкцией. Я бы уж давным-давно оказалась в больнице, если бы главная медсестра позволяла нам добираться до нее на велосипеде.

Но даже если бы я нарушила это правило, она бы все равно ничего не узнала, потому что последние три дня лежала в женском инфекционном отделении, заходясь от кашля и не в силах произнести ни слова. Но мне не хотелось действовать за спиной главной, пользуясь ее беспомощным состоянием.

Южнее Колонны Нельсона трамвай, отчаянно визжа тормозами, замедлил ход и остановился. Я обернулась посмотреть на обугленную цитадель почтамта — одного из нескольких мест в городе, где забаррикадировались мятежники во время шестидневного восстания¹. Какая бессмысленная и вредная затея! Ведь Вестминстер уже был готов предоставить Ирландии автономию, и введение гомруля² отложили только из-за разразившейся мировой войны. Вообще-то я совершенно не возражаю против того, чтобы Ирландия управлялась из Дублина, а не из

¹ Речь идет о Пасхальном восстании 1916 года. В здании дублинского почтамта располагалась штаб-квартира восставших. — *Здесь и далее прим. перев.*

² Гомруль — самоуправление (*англ.*). Движение за автономию Ирландии на рубеже XIX—XX веков.

Лондона, только добиваться этого следовало бы мирным способом. Ведь стрельба на дублинских улицах в шестнадцатом году не приблизила гомруль ни на дюйм, верно? Только дала многим повод возненавидеть горстку тех, кто пролил ради нас кровь.

Чуть дальше по улице, где многие здания вроде книжного магазина, где я покупала любимые комиксы Тима, были стерты с лица земли британской артиллерией во время краткого мятежа, восстановительные работы еще даже не начались. Некоторые переулки все еще оставались забаррикадованными спиленными деревьями и колючей проволокой. Наверное, пока шла война, цемент, смола, асфальт и древесина были в дефиците.

Делия Гарретт, подумала я. Айта Нунен.

Хватит!

Эйлин Дивайн, уличная торговка, у которой инфлюэнца переросла в пневмонию: весь вчерашний день она харкала зеленовато-красной слизью, а температура у нее скачками то взлетала, то опускалась, словно воздушный змей под порывами ветра.

Перестань, Джулия!

Между сменами я старалась не думать о пациентах, ведь все равно я ничем не могла им помочь, пока находилась вдали от них.

На афишной тумбе красовалась программа концерта-варьете, на которую по диагонали наклеили полосу со словом «ОТМЕНЕНО». Поверх афиши финальных игр чемпионата Ирландии по хёрлингу¹ наклеили другое объявление: «ОТЛОЖЕНЫ НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК». Многие магази-

¹ Разновидность хоккея на траве, распространенная в Ирландии и ряде англоязычных стран.

ны закрылись из-за гриппующих продавцов, в окнах большинства контор были опущены жалюзи и висели скорбные объявления. А редкие компании, что все еще оставались открытыми, казались заброшенными по причине отсутствия клиентов. Дублин смахивал на рот с выбитыми зубами.

Пахнуло эвкалиптом. Сидевший слева от меня на скамейке мужчина поднес ко рту и носу платок, смоченный в эвкалиптовой настойке. Многие прилаживали такие душистые платки себе на шарфы или на лацканы пальто. Раньше мне нравился этот древесный аромат — до того, как стал ассоциироваться со страхом. Но я уже не съеживалась, услышав, как рядом со мной кто-то чихнул, ведь у меня выработался иммунитет к этому штамму сезонного гриппа; я даже чувствовала облегчение от мысли, что уже переболела.

Сидевший позади меня мужчина зашелся раскатистым кашлем. За ним другой. Кхе-кхе — словно кто-то пытался срубить дерево не топором, а ножом. Пассажиры как по команде отстранились от кашляющих. Этот странный негромкий звук мог возвестить о начале гриппа, а мог быть невинным симптомом длительного периода выздоровления; кашель мог быть проявлением безобидной простуды или всего лишь нервным тиком, который, подобно зевоте, возникает сразу же, как только о нем вспомнишь. Но весь город был склонен предполагать худшее, что неудивительно.

Перед конторой гробовщика стояли три катафалка в ряд, в первый уже была впряжена лошадь для первой сегодня погребальной процессии. По переулку топали двое мужчин в фартуках, неся на плечах длинные доски, — для новых гробов, догадалась я.

Теперь, после рассвета, уличные фонари совсем потускнели. Наш трамвай прогрохотал мимо моторного омнибуса, скособочившегося под тяжестью пассажиров. Я увидела, как двое мужчин бьют башмаками по задней оси. Человек десять-двенадцать в траурных одеяниях уже сидели на скамейках впритык друг к другу, словно их упрямая решимость могла им помочь вовремя попасть на отпевание. Но женщина-водитель в полном отчаянии прижала лоб к рулевому колесу.

Сидевший справа мужчина направил маленький фонарик на газетную страницу, ткнув меня при этом в локоть. Я больше не покупала газет из боязни огорчить Тима. Иногда я приносила в дом книги, но вот уже неделю как библиотека потребовала вернуть все взятые книги и закрылась на карантин.

Вверху газетной полосы я заметила дату и вспомнила, что сегодня Хеллоуин. На странице рекламировались горячий лимонад, страхование жизни и «Синнаминт, бактерицидные таблетки для горла». Рядом с маленькими рекламными блоками подверстали многочисленные благодарственные объявления: «Искренняя благодарность Церкви Пресвятого Сердца и Душ Праведных за выздоровление нашей семьи». Мужчина перевернул страницу, но следующие две полосы были без текста — просто квадраты грязно-белого цвета. Он раздраженно крикнул.

Наш сосед по лавке подал голос:

— Перебои в электроснабжении. Типография, должно быть, решила поэкономить энергию.

Женщина позади нас заметила:

— И правильно, газовщики уж как стараются, чтобы все работало без сбоев, даром что у них персонал уполовинился.

Мой сосед обратился к последней странице. Я старалась не обращать внимания на заголовки, освещаемые пляшущим лучом его фонарика: «Мятеж на флоте против кайзера: дипломатические переговоры на высшем уровне». Люди надеялись, что Центральные державы не смогут долго противостоять коалиции союзников¹. Но это твердили уже много лет.

Половина этих новостей — выдумка, напомнила я себе. Их искажают, чтобы поднять моральный дух или, во всяком случае, подвергают цензуре, чтобы не допустить его дальнейшего падения. Например, ирландские газеты перестали публиковать список почета — имена солдат, павших на разных театрах войны. Тех, кто записался в армию ради короля и империи, или во имя правого дела по защите малых народов, или, может быть, из желания найти денежную работу, или в поисках приключений, или — как мой брат — только потому, что на фронт записался его лучший друг. Я регулярно изучала новые списки почета, ища там Тима, почти все те три года, что он был на фронте и присылал мне письма из разных мест (Галлиполи, Салоники, Палестина: от этих географических названий у меня до сих пор кровь стыла в жилах). Каждую неделю колонки имен отгрызали дюйм за дюймом площадь газетной страницы, удлиняясь под заголовками, звучащими словно названия партий макабрической салонной игры: «Без вести пропавшие», «Попавшие во вражеский плен», «Раненые», «Раненые-контузены», «Умершие от ран» и «Погибшие в бою».

¹ Союзники в Первой мировой войне — общее название членов коалиции стран (Англия, Франция, Россия, Италия, Греция и др.), находившихся в состоянии войны с блоком Центральных держав (Германия, Австро-Венгрия, Османская империя и др.).